

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КРЫМА ГЛАЗАМИ «РУССКОГО ШОТЛАНДЦА» МАТТЬЮ ГАТРИ¹

Н.И. Храпунов

Аннотация. В статье анализируется одно из самых популярных описаний Крыма, выполненное на рубеже XVIII–XIX вв. шотландским врачом на русской службе Маттью Гатри. Показано, что автор создал оригинальную и по-своему логичную концепцию истории Крыма, руководствуясь принципами Просвещения, в частности, представлением о торговле как сути исторического процесса и о турках и татарах как экзистенциальных врагах европейской цивилизации. Вероятно, на Гатри повлияла российская идеология эпохи Екатерины II и сочинение его соотечественника Уильяма Итона об Османской империи. У Гатри можно обнаружить и ряд характерных стереотипов о «Востоке». Он считал русских потомками греков, включив их в число «цивилизованных наций». В истории Крыма шотландец увидел противоборство двух начал — творческого «западного» (древние греки, средневековые генуэзцы) и разрушительного «восточного» (скифы, монголы). Потому османскую экспансию XV в., закрывшую Черное море для «европейских наций», он счел катастрофой, а продвижение России на юг в XVIII в., наоборот, явлением прогрессивным, открывшим перед регионом блестящие возможности. Следующие поколения путешественников внимательно изучали книгу Гатри, цитировали ее и дискутировали с ней. Шотландец был одним из тех, кто утверждал представление о закономерности присоединения Крыма к России в общественном сознании.

Ключевые слова: записки путешественников, историческая имагология, англо-русские культурные связи, Крым, Россия, Маттью и Мария Гатри, прожектерство.

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т академика Вернадского, д. 4, khrapunovn@gmail.com.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII–начала XIX в.».

THE PAST, THE PRESENT, AND THE FUTURE OF THE CRIMEA AS VIEWED BY “RUSSIAN SCOT” MATTHEW GUTHRIE

N.I. Khrapunov

Abstract. This paper analyses one of the most popular descriptions of the Crimea compiled on the turn of the nineteenth century by Matthew Guthrie, a Scottish physician on Russian service. It has been revealed that Guthrie created an original and logical concept of the Crimean history based on the principles of the Enlightenment, such as understanding of trade as the core of the historical process and the Turks and the Tatars as existential antagonists to European civilization. Perhaps Guthrie was influenced by the Russian imperial ideology from the age of Catherine II and a treatise on the Ottoman Porte by his fellow countryman William Eton. Guthrie's work also contained a series of stereotypes of the “East”. He considered the Russians as the descendants from the Hellenes and, therefore, one of “civilized nations”. He understood the history of the Crimea as the struggle of two forces, creative “Western” (Hellenes and Genoese) and destructive “Eastern” (Scythians and Mongols). Therefore the fifteenth-century Ottoman conquest that closed the Black Sea for “European nations” was interpreted as a catastrophe, though the eighteenth-century Russian expansion was progressive, opening several perspectives for the region. The next generation of travelers thoroughly studied Guthrie's book and disputed it. The Scot became one of those who established the idea that Russia's appropriation of the Crimea was naturally determined.

Keywords: travelogues, historical imagology, English-Russian cultural connections, Crimea, Russia, Matthew and Maria Guthrie, projectors.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. спровоцировало дискуссию в трудах западных интеллектуалов, заинтересовавшихся далекой и почти неизвестной страной. Крым стал этапом образовательного путешествия («grand tour»), а его описания – популярным сюжетом опубликованных путевых записок. Их авторы по-разному осмысливали историческую судьбу региона и российскую экспансию в Причерноморье. В 1802 г. в Лондоне вышла книга под названием «Путешествие, предпринятое в 1795–6 годах через Тавриду или Крым, древнее Боспорское царство, некогда могущественную республику Таврического Херсона и все остальные страны на северном берегу Эвксинского [моря], переданные России по Кайнарджийскому и Ясскому миру». На титульном листе автором была названа г-жа Мария Гатри, а редактором – ее муж Маттью, причем оба они находились на русской¹ службе [Guthrie, 1802]. Это сочинение оказалось одним из самых подробных и самых цитируемых современниками и потомками описаний Крыма. Созданный в нем оригинальный образ полуострова будет проанализирован в данной статье.

Доктор медицины Маттью Гатри (1743–1807), шотландец по происхождению, большую часть жизни провел в России [Храпунов, Гинькут, 2015; здесь же библиография]. Искренне полюбив эту страну, он посвятил ей несколько книг и множество статей, опубликованных в британских журналах. Гатри был человеком широкого кругозора и энциклопедических интересов, включавших музыку и химию, ботанику и художественный перевод, античную историю и геммологию. В Россию он переехал во время войны с турками 1768–1774 гг. Тогда же шотландец побывал в Крыму [ср.: Guthrie, 1802, p. v]², где увлекся археологией и собиранием древностей. После окончания войны Гатри осел в Петербурге, с 1778 г. исполняя должность главного врача Кадетских корпусов. В 1781 г. он женился на овдовевшей француженке Мари Дюнан, урожденной Ромо-Сюрвесн (?–1800), служившей в Смольном институте благородных девиц [Les Français, 2011, t. II, p. 721]. Брак оказался счастливым, но продлился куда меньше, чем хотелось бы супругам.

Опубликованная через два года после смерти Марии книга якобы составлена из ее писем, отправленных мужу из путешествия по Югу России, которые он перевел с французского на английский, отредактировал и снабдил иллюстрациями и приложениями (p. v–viii). Известно, что болезнь (очевидно, туберкулез) заставила мадам Гатри дважды ездить на юг для поправки здоровья. Вполне естественно, что она писала оставшемуся в Петербурге мужу, сообщая ему о дорожных впечатлениях. Однако содержание книги не оставляет сомнений в том, что ее автором был доктор Гатри, а «письма» здесь – всего лишь аналог глав. Достаточно будет отметить, что многие «письма» не являются законченными документами, имеющими начало и конец, но зато они дробят повествование на фрагменты приблизительно одинаковой

---

¹ Западные авторы того времени практически не различали этнос («русские») и политическую нацию (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»), используя в обоих случаях слово «Russians», который в данной статье передается как «русские», следуя отечественной традиции перевода травелогов.

² Далее ссылки на его работу приводятся в виде указаний страниц в круглых скобках.

длины. Нет в них и традиционных для обычных писем рассказа о дорожных приключениях, гостиницах, лошадях, вопросов о семье, друзьях и пр. Подобный литературный прием (вымышленные или условные письма) нередко применялся авторами философских или литературных произведений той эпохи. Можно вспомнить «Персидские письма» Монтескье или «Философские (Английские) письма» Вольтера, «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна и «Письма об Италии в 1785 году» Шарля-Маргерита Дюпати, а также «Письма русского путешественника» Николая Карамзина [Абрамовская, 2012, с. 81]. Их авторы использовали собственные размышления или эмпирические наблюдения, которым придавали форму писем, а иногда и вводили вымышленную фигуру рассказчика.

Учитывая особый интерес доктора Гатри к прошлому, он мог ориентироваться на «Путешествие юного Анахарсиса» Жан-Жака Бартеlemi, показавшее классическую Грецию глазами вымышленного героя, прибывшего из Скифии. Использованный шотландцем литературный прием, замаскировавший собственное творчество под перевод из другого автора, встречается нередко. Вспомним, что автор знаменитого современного романа якобы читал французский перевод записок Адсона из Мелька, который «непроизвольно» перевел на итальянский — и тем самым укрывся за образами нескольких «посредников» [Эко, 1993, с. 3–7]. Как бы то ни было, сегодня книга Маттью Гатри — один из самых популярных крымских травелогов. Всему виной легкий стиль, информативность и образ дамы-иностранки, путешествующей по экзотической стране. Мистификация удалась, и не только современники Гатри, но и нынешние украинские и российские исследователи воспринимают его книгу как образец «дамского травелога» [Храпунов, Гинькут, 2015, с. 160–161].

«Русский шотландец» использовал сочинения древних и средневековых авторов, а также своих современников, побывавших в Крыму или изучавших его дистанционно, и на этом основании создал по-своему логичное описание полуострова. Правда, «кабинетный» характер привел к некоторым неточностям, которых наверняка избежал бы реальный путешественник. Например, между Николаевом и Херсоном рассказчица оказалась в Овидиополе и Одессе, сделав ненужный крюк, который, однако, позволил описать эти города и археологические находки в окрестностях (р. 9–32). Далее дважды говорится, что Бахчисарай стоит на реке Каче (р. 72, 76), хотя в реальности через город протекает правый приток Качи — речка Чурук-Су. Средневековый город Мангуп оказался на вершине горы над долиной греческого селения Марианполь, близ Успенского монастыря, то есть километрах в двадцати по прямой линии от его реального места (р. 86).

Гатри весьма интересовался прошлым, в изучении которого он, в характерной для своего времени манере, сочетал научнообразные рассуждения с причудливыми фантазиями. Так, он не просто опубликовал множество древних монет, в т.ч. из собственной коллекции, в большинстве случаев достоверно прочитав их легенды, но использовал нумизматику, наряду с письменными источниками, как материал для реконструкции хронологии правителей Боспорского царства (р. 343–404). Но одновременно он пересказал легенду о том, что в далеком прошлом Крым лежал на дне

моря, и лишь вершины гор образовывали архипелаг на поверхности. Передвигаясь между этими островками, местные жители привязывали лодки к кольцам, до сих пор сохранившимся в крымских горах (р. 92–93, 126). Этот сюжет фигурирует во многих травелогах. Их авторы объединили татарские предания и библейскую легенду о всемирном потопе, рассказы античных источников о том, что Черное море, некогда переполнившееся водой впадавших в него рек, прорвалось в море Средиземное, затопив огромные территории, а также размышления натуралистов эпохи Просвещения об истории Земли [Храпунов, 2017, с. 421–422].

Историю Гатри воспринимал как непрерывность, когда народы не исчезали бесследно, но лишь меняли свое название. Потому «Тартария» — это новое имя Скифии (р. 9), ведь «я рассматриваю скифов и татар как всего лишь разные имена одного народа» (р. 406). Разумеется, в название страны и народа он добавил лишнюю букву «р», получив «Тартарию» и «тартар». Эта традиция отразила давний страх перед нашествием монголов, заставивший европейских интеллектуалов увидеть в них предсказанных пророчествами предвестников конца света, а потому переосмысливших их имя так, чтобы оно говорило о Тартаре — преисподней древнегреческих мифов [Филюшкин, 2011, с. 13, 39, прим. 16]. Что же касается скифов, европейские авторы XVIII в. обнаруживали их повсюду в Восточной Европе и отождествляли с самыми разными современными народами, причем этнографические представления зачастую невозможно отделить от литературной или политической метафоры [Вульф, 2003]. Способствовало этому и то, что свидетельства древних не очень конкретны: они могли называть «скифами» любые северные народы [Подосинов, Джаксон, Коновалова, 2016]. Вслед за скифами Гатри добавил в генеалогию татар гуннов («по сравнению с которыми готы, вандалы и пр. были цивилизованными нациями») и хазар (р. 213–214).

Другой пример связан с караимами — группой не признающих Талмуд крымских иудаистов, чей язык и быт испытал огромное влияние крымских татар. Народная этимология возводила их этноним к тюркскому «черный», по цвету караимской одежды. «Не может ли это изолированное племя чёрных евреев, — писал Гатри, — быть остатком древнего народа, называвшегося *меланхленами* и упомянутого всеми античными авторами среди живших на <...> Азовском море, но ныне потерянного, которые отличались от всех остальных наций в этих краях тем, что, даже во времена Геродота носили черный наряд, столь же необычный сейчас, как и тогда, в этой части мира?» (р. 84).

Подобные параллели можно было использовать для политических обобщений. Гатри полагал, что название Крыма происходит от имени его древних жителей — киммерийцев, которых, по созвучию, он отождествил с кимврами, кельтами и галлами, то есть предками и шотландца-Гатри и его супруги-француженки. Отметив, что именно эти древние люди «дали законы лучшей части Европы», Гатри тем самым отыскал место для полуострова на «карте цивилизации». Галлов же он отождествил со сторонниками Старого порядка во Франции, тогда как деятели Революции оказались франками, варварами, которые завоевали и угнетали галлов.

В этом контексте войны против Наполеона оказывались борьбой цивилизации против угрожавшей ей новых варваров (р. 178, 195). Отметим, что среди современников Гатри были и те, кто высмеивал подобные поиски далеких предков. Как писал Джордж-Гордон Байрон, «какого англичанина волнует, датской он, саксонской норманнской или троянской крови? И кто, кроме валлийца, переживает из-за желания быть потомком Каратака?» [The Works, 189, р. 194].

Гатри воспринял ряд идей, выработанных идеологией Екатерины II. Не случайно он занялся переводом некоторых трудов императрицы [С берегов Темзы, 1997, с. 32], в том числе пьесы «Начальное управление Олега» [Cronin, 1978, р. 318], рассказывающей об идеальном просвещенном монархе, мудром законодателе, трудившемся на благо своих подданных и своей страны – иначе говоря, о политическом идеале императрицы [Уортман, 2002, с. 189–190]. Гатри посвятил монархине свою книгу «Рассуждение о русских древностях», обнаружившую значительное сходство между народной культурой русских и древних греков, касавшееся, в частности, музыки, песен, танцев, языческих верований и праздников [Guthrie, 1795]. Эту идею шотландец мог позаимствовать у архитектора, антиквара и сочинителя Николая Львова [ср.: Львов, 1994, с. 311–314], значительно разнообразив его аргументацию. Интерес к фольклору был не только элементом общеевропейской интеллектуальной моды, но и доказывал «цивилизованность» России, «открыв» ее народное прошлое [Вишленкова, 2011, с. 119]. Но из находок Львова и Гатри следовало еще одно важное обстоятельство.

Шотландец объяснил связь русской и эллинской культур тем, что известные Геродоту гиперборейцы были греческим племенем, населявшим верхнее течение Днепра: «Народ, исповедовавший языческую религию греков, жил в то время в античных владениях великих князей России, пока они не стали владыками Москвы; так что несложно обнаружить, что русские приобрели множество изумительных параллелей с обычаями древних греков» (р. 327–335). Этот вывод позволял дать положительный ответ на вопрос о том, стоило ли относить Россию к числу цивилизованных наций [Нойманн, 2004, с. 111–125]? К тому же он соответствовал идеологии Екатерины II, подчеркивавшей преемственность русских от греков, что оправдывало экспансию на юг, раз уж эти земли некогда принадлежали предкам императрицы и вообще были истоком русской «европейскости» [Зорин, 2004, с. 33–64, 97–122].

Глубокий кризис Крымского ханства в последние годы его существования, смуты и восстания, вторжения русских войск, массовая эмиграция населения привели край в запустение. После присоединения к России продолжилось выселение крымских татар в Османскую империю. По данным современных демографов, к концу века население полуострова сократилось втрое [Водарский, Елисеева, Кабузан, 2003, с. 85–91, 120–122]. Для многих западных путешественников причиной кризиса было насилие, которое чинили русские завоеватели [например: Clarke, 1816, р. 179–180]. Ханскую эпоху они считали ушедшим в прошлое «золотым веком». А вот Гатри полагал, что Крым пришел в упадок давным-давно, после того, как власть над ним

перешла к «нецивилизованным» татарам и туркам. Например, фруктовые рощи на южном берегу «были садами древних цивилизованных жителей, пришедших в запустение в руках пастушеских орд, незнакомых с этой культурой и слишком ленивых, чтобы ей обучиться» (р. 136). А «варварские татарские орды, которые конечно имели немного уважения к трудам своих цивилизованных предшественников», не просто привели в жалкое состояние Керчь (античный Пантикапей), но и уничтожили большую часть находившихся здесь остатков греческой цивилизации (р. 173).

В традициях Монтескьё и Адама Смита, Гатри считал торговлю двигателем прогресса, а экономическое развитие – сущностью истории. Отсюда мысль о том, что история Крыма представляла постоянное противоборство двух начал – творческого, предприимчивого, торгового западного и хищнического, варварского, воинственного восточного. Представителями первого были эллины и средневековые генуэзцы, второго – скифы, татары и турки. Даже география подчинялась этому делению. На севере полуострова лежала «солевая, покрытая травой степь», вечное владение воинственных пастухов – кочевников. Юг же был «отрадой и убежищем цивилизованных торговых наций <...>, которые наполняли порты судами и товарами, пока варварские турки не перекрыли Фракийский Боспор и не обратили оживленный Эвксин в водную пустыню» (р. 52–55). История Причерноморья прервалась, когда султан Мехмед II прекратил международную торговлю через Проливы, и возобновилась лишь спустя 300 лет, когда Россия «открыла ее тем же ключом, которым воспользовался Мехмет [II], чтобы ее закрыть» (р. 266–267). Следовательно, российские завоевания исторически прогрессивны. К тому же, набеги крымских татар попросту вынудили Россию расширять свои владения на юге: цари «были совершенно правы, <...> подчинив этих жестоких мародеров и тем самым позволив землепашцу жать посеянный им хлеб в мире и безопасности» (р. 197). Жизнь татар значительно улучшилась под властью России, но религия не давала им сполна насладиться этим: «Я сильно ошибусь, если они не предпочтут находиться под железным скипетром владыки одной с ними веры жизни под наимягчайшим управлением христианского князя» (р. 66). Негативное отношение к туркам и татарам было характерно для европейского мышления, рассматривавшего их если не как экзистенциальную угрозу, то как «нормообразующих Других», образ которых позволял лучше понять особенности собственной культуры. Впрочем, эту позицию могли корректировать под влиянием политического момента [Нойманн, 2004, с. 83–89; Кардини, 2016, с. 235–263].

На страницах книги Гатри живописные долины крымских гор и субтропическое побережье не раз сравнивались с земным раем. Подобная ассоциация не раз возникали у путешественников [Храпунов, 2018, с. 67–68]. Гатри же увидел «земной рай» на берегах реки Альма между Бахчисараем и Симферополем (р. 70), назвал Судакскую долину достойной кисти величайших пейзажистов (р. 130), а Байдары, что на юго-западе полуострова, уподобил воспетым античными поэтами Аркадии и Темпейской долине (р. 116–118). В гармонии с природой жили крымские татары, облик которых напоминал «благородных дикарей» Руссо. Восторженные отзывы о

Байдарской долине нередко в путевых записках, потому некоторые иронизировали по этому поводу [Паллас, 1999, с. 69; Clarke, 1816, р. 232]. Впрочем, Кларк, высмеявший подобные сравнения, вскоре обнаружил другую райскую местность — побережье между Кучук-Коем (близ Ялты) и Судаком [Clarke, 1816, р. 252]. Картины «крымского Эдема» напоминают рассказы европейских путешественников о Швейцарии, которую также называли «Аркадией» [Смекалина, 2015, с. 168–184]. Сближению образов столь разных стран, по-видимому, способствовало известное сходство пейзажей (горы, реки, растительность), усиленное усвоенными из античной культуры представлениями о пасторальном счастье. Показательно, что следующее поколение русских путешественников по Крыму сравнивало полуостров со Швейцарией [Крымский миф, 2017, с. 78, 129].

Для Гатри образ земного рая часто связан с мыслью, что эту девственную землю только предстоит освоить, и о выгодах от применения передовых научных знаний и технологий. Например, на южном берегу можно было заниматься сельскохозяйственным производством, выращивать овец на шерсть, ловить большое количество рыбы и вести внешнюю торговлю, как во времена античности (р. 119–120). Прекрасными пастбищами, подобным альпийской Австрии, могли стать плоские вершины крымских гор (р. 122–123). Со ссылкой на немецкого энциклопедиста Петера-Симона Палласа он писал о возможном разведении в Крыму новых видов растений — от апельсинов и лимонов до кермесовых и пробковых дубов (р. 137–138). Характерно описание Севастопольского порта: «Старые татарские дома здесь, как и повсюду на полуострове, маленькие и дурно построенные; но вдоль пристани мы обнаружили несколько новых построек в куда лучшем вкусе — естественное следствие того, что здесь разместился великий Эвксинский флот, и, конечно, резиденция его командира и других морских офицеров» (р. 93).

Важнейшую роль Гатри отводил коммерции. Феодосия лежала в развалинах, но этот порт «мог, при определенных затратах, стать достойным своей великолепной гавани, если бы когда-нибудь русское покровительство вернуло бы его некогда процветавшую торговлю» (р. 148). Для этого следовало, используя уроки прошлого, возродить Великий шелковый путь, доставляя товары из Индии и Китая через Каспий и Закавказье (р. 156–157). Книга завершается пространным рассуждением об истории торговли на Черном и Азовском морях, где античные, генуэзские и золотоордынские реалии переплетены с описанием настоящего, вероятно, в качестве урока для политиков и чиновников (р. 282–308).

Представления Гатри об экономике соответствовали направлению мысли «прогрессистов» эпохи Просвещения. Если предложения по оживлению крымского хозяйства он заимствовал у Палласа, то оправдания российской экспансии и мысли о перспективах черноморской торговли, возможно, взяты из трактата английского авантюриста Уильяма Итона, сторонника британско-русского сотрудничества и изгнания турок из Европы [Eton, 1798, р. 304–334]. Рассуждения о блестящих перспективах предпринимательства в Крыму нередко встречались в травелогах. Обычно предлагалось развивать торговлю, развивать новые отрасли

хозяйства, вводить передовые технологии и привлекать колонистов с Запада [Храпунов, 2018а]. Подобная «реклама» действительно привлекла в Крым переселенцев из-за рубежа и из материковой России – но многих из них ждало жестокое разочарование.

Размышления путешествующих интеллектуалов о блестящих перспективах экономического развития Крыма находятся в ряду многих других выработанных Западом идей, давших сомнительные результаты на русской почве. Правдоподобия в них было никак не больше, чем в других общетеоретических соображениях эпохи Просвещения, авторов которых Иосиф Бродский однажды назвал «праздными, хотя и одаренными, бездельниками французских салонов XVIII века» [Бродский, 2001, с. 90]. Довольно быстро выяснилось, что, хотя жители античных городов процветали благодаря земледелию и торговле, а понтийский царь Митридат VI Евпатор и средневековые генуэзцы извлекали из своих крымских владений существенные доходы, исторический опыт не работал в ситуации Нового времени. Многим русским помещикам и зарубежным переселенцам довелось убедиться в том, что сложная внешнеполитическая обстановка и нехватка рабочих рук, особое отношение мусульман к предпринимательству, отсутствие инфраструктуры и дешевого кредита способны разрушить любые иллюзии [например: Конкин, 2018].

Иногда Гатри говорил об особенностях местной культуры, воспринимавшейся как экзотика. Крым, благодаря своей «восточной» составляющей, казался местом, где не действуют привычные нормы морали [Храпунов, 2018, с. 71]. Установленные исламом нормы поведения интерпретировали как показатель чрезмерной мужской ревности. Потому, например, в татарских домах не было окон на улицу: «Полигамия и ее естественное следствие, ревность, обратили фасад таврических жилищ во внутренний двор» (р. 215). Татарки вынуждены были наслаждаться обществом скота, а не мужчин, и скрываться под покрывалом, так что муж нередко получал возможность увидеть лицо жены лишь после брачной церемонии (р. 217–218). Зато дамы были полной собственностью своих мужей. Их можно было покупать, а в прошлом действовали невольничьи рынки, где торговали выходцев из разных стран и народов (р. 151–152). Даже англичане не могли удержаться от соблазна – один поселившийся в Крыму оригинал приобрел себе жену-татарку за корову и несколько овец, с которой и жил на лоне спокойной и живописной природы (р. 210). Этот анекдот напоминает историю о том, как австрийский император Иосиф II, путешествовавший по Крыму в обществе Екатерины II в 1787 г., вызвал немалый переполох в русской администрации, оставив одному офицеру известную сумму на покупку «черкесской красавицы» [Донесение, 1883]. Другая история, быть может, услышанная автором от кого-то из знакомых, утверждала, что однажды крымские татары приняли прекрасную гречанку – супругу русского генерала, за мусульманку, взятую в плен христианами, и даже собрали существенную сумму денег для ее выкупа. Некий «татарский джентльмен», внесший на благое дело тысячу дукатов, собиравший впоследствии «открыть врата рая перед этой прекрасной гурией» (р. 65–66). Понятно, что подобные рассказы рассчитаны были на успех у читателя,

знавшего о Востоке, главным образом, из переложений арабских сказок или европейских опер.

В заключение нужно сказать несколько слов о контексте, в котором появилась книга Гатри. На рубеже XVIII–XIX вв. Крым воспринимали как уникальную страну, находящуюся между Западом и Востоком. Потому названия травелогов перечисляли увиденные автором государства и регионы, среди которых, как правило, отдельно указывали Крым. Отметим, что в первой половине XIX в. Россией в историко-культурном смысле не считали ее южные губернии. Характерны слова любимого живописца Николая I и, как полагают, двоюродного дедушки Шерлока Холмса – француза Ораса Верне. Подводя итоги пребыванию в Петербурге в 1842–1843 гг., он писал жене: «Нет, нет и тысячу раз нет – никакой цивилизации никогда не будет в этом гнусном месте» [Верне, 2008, с. 71–72]. Но несколько раньше, побывав в окрестностях Курска, Верне преисполнился восторженных ожиданий: «Когда русское население станет достаточно многочисленным для более тщательного земледелия, то вряд ли во всем свете сыщется другой такой край» [Верне, 2008, с. 21]. И уж тем более не считали русским в культурном отношении Крым, обладавший слишком яркими «восточными» чертами [Храпунов, 2018].

Новый статус полуострова был вызовом для европейских интеллектуалов, предложивших разные способы строения его дальнейшей судьбы. Британец Эдвард Кларк (1800) предлагал силой «вернуть» полуостров османам [Clarke, 1816, p. 268–270]. Этот знаменитый путешественник, примеривший маску любителя древностей и борца за справедливость [подробнее: Храпунов, 2016], избегал ссылаться на Гатри, с книгой которого был знаком. Очевидно, все дело в разнице политических позиций. В окружении Наполеона обсуждался вопрос о создании в Крыму буферного государства под патронатом Франции [Храпунов, 2019]. Состоявший на русской службе Паллас разработал комплекс мер по экономическому развитию полуострова в составе России [Паллас, 1999, с. 155–208]. О необходимости развивать экономику полуострова с помощью инвестиций в инфраструктуру, сельское хозяйство и перерабатывающую промышленность, а также через меры по развитию торговли, писали французские и британские интеллектуалы [Храпунов, 2018а]. Эта позиция близка размышлениям Гатри. Но он, пожалуй, лучше всех усвоил российскую государственную идеологию – не случайно «Путешествие» посвящено любимому внуку Екатерины II, Александру I.

Таким образом, «Путешествие» Гатри занимает особое место в обширном корпусе известных путешественников о новых владениях России. Собранный им обильный материал, литературные достоинства текста и вымышленная фигура автора – отважной дамы, оказавшейся в чужой стране, сделали этот источник одним из самых цитируемых современниками и потомками. О влиянии «Путешествия» Гатри на историографию говорит, например, то, что оно стало одним из источников, которыми воспользовался знаменитый франко-немецкий византинист Карл-Бенедикт Газе в 1816 г. для создания так называемой «Записки готского (или греческого) топарха». Этот документ он выдал за греческий источник, рассказавший о

приключениях византийского офицера X в. в контексте сложных взаимоотношений между Византией и древней Русью [Ševčenko, 1971, p. 155–157, 159, 171, 176–177]. Сфабрикованный Газе текст породил обширную историографию, причем сторонники его подлинности так и не пришли к единому мнению о том, где именно (в Крыму или Болгарии) разворачивались события, и кто из древнерусских князей (от Игоря до Владимира) принял в них участие. Думается, Гатри, потративший немало сил на то, чтобы показать древность связей между Россией и Крымом, не расстроился бы, узнав о подобном использовании своей книги.

Хотя Гатри не считал Крым частью России в историко-культурном смысле, его труд оправдывал российскую экспансию, считая правление царей благом для новых провинций и их жителей. Именно в России он видел залог блестящего будущего полуострова, которого следовало достичь через реализацию торговых и хозяйственных проектов. Впрочем, убедить в этом западное общественное мнение удалось не вполне. Через полвека, накануне Крымской войны, вновь актуальными стали идеи отторжения полуострова от России и передачи его туркам [История, 1999, с. 376].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамовская И.С. Н.М. Карамзин в поисках пространства и времени // Золотой век Grand Tour: путешествие как феномен культуры. СПб.: Алетейя, 2012. С. 78–88.

Бродский И. Сочинения. Т. VII. СПб.: [б. м.], 2001. 343 с.

Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга, 1842–1843. М.: РОССПЭН, 2008. 175 с.

Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛО, 2011. 384 с.

Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII–конце XX веков: численность, размещение, этнический состав. М.: ИРИ РАН, 2003. 159 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 560 с.

Донесение генерала М.В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. XIII. С. 268.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII–первой трети XIX века. М.: НЛО, 2004. 414 с.

История внешней политики России. Первая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. 448 с.

Кардини Ф. Европа и Ислам. История непонимания. СПб.: Alexandria, 2016. 336 с.

Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // *Боспорские исследования*. 2018. Вып. XXXVII. С. 166–186.

Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: Растр, 2017. 768 с.

Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн; Веймар; Вена: Бёлау-Ферлаг; СПб.: Пушкинский дом; Русский христианский гуманитарный институт; Акрополь, 1994. 417 с.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 335 с.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.

Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции античности и средних веков. М.: Аквилон, 2016. 320 с.

С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. 323 с.

Смекалина В.В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII–первой половине XIX в. М.: Языки русской культуры, 2015. 376 с.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. М.: ОГИ, 2002. 606 с.

Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // *Изобретение империи: языки и практики*. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.

Храпунов Н.И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3. С. 116–132.

Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII–начала XIX в.: исследования и иллюзии // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.

Храпунов Н.И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // *Новое прошлое / The New Past*. 2018. № 1. С. 63–78.

Храпунов Н.И. Переосмысление Шелкового пути после присоединения Крыма к России // *Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути*. Казань: Исламская книга, 2018а. С. 103–113.

Храпунов Н.И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 69–86.

Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170.

Эко У. Имя розы. Воронеж: Фолиант, 1993. 520 с.

Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.

- Cronin V.* Catherine, Empress of All the Russias. New York: William Morrow and Company, Inc., 1978. 349 p.
- Eton W.* A Survey of the Turkish Empire. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
- Guthrie M.* Dissertations sur les antiquités de Russie. Saint-Petersbourg: Imprimerie du Corps Impérial des Cadets Nobles, 1795. 237 p.
- Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795–6, Through the Taurida, Or Crimea... London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. 446 p.
- Les Français en Russie au siècle des Lumières.* T. I–II. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. 1424 p.
- Ševčenko I.* The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. Pp. 115–188.
- The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.

REFERENCES

- Abramovskaya I.S. N.M. Karamzin v poiskakh prostranstva i vremeni [N. M. Karamzin in search for space and time], in *Zolotoy vek Grand Tour: puteshestvie kak fenomen kul'tury* [The Golden age of the grand tour: travel as a cultural phenomenon]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2012. Pp. 78–88 (in Russian).
- Brodsky J. *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Saint Petersburg Publ.: [n. p.], 2001. 343 p. (in Russian).
- Vernet H. *Pri dvore Nikolaya I. Pis'ma iz Peterburga, 1842–1843* [Joseph, Carle et Horace Vernet. Correspondance et biographies]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 175 p. (in Russian).
- Vishlenkova E. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the empire, or "not everyone can see the Russian"]. Moscow: NLO Publ., 2011. 384 p. (in Russian).
- Vodarskiy Ja.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVIII–kontse XX vekov: chislennost', razmeshhenie, etnicheskoy sostav* [The population of the Crimea from the late eighteenth to late twentieth century: its number, location, ethnic structure]. Moscow: IRI RAN Publ., 2003. 159 p. (in Russian).
- Wolff L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO Publ., 2003. 560 p. (in Russian).
- Donesenie generala M.V. Kokhovskogo dlya doklada knyazyu G. A. Potemkinu-Tavricheskomu [General M.V. Kokhovskiy's dispatch to be reported to Prince G.A. Potemkin-Tavricheskiy], in *Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostey* [Proceedings of the Odessa Society for History and Antiquities]. 1883. Vol. 13. P. 268 (in Russian).

Zorin A.L. *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII–pervoi treti XIX veka* [Feeding Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the Eighteenth and First Third of the Nineteenth Century]. Moscow: NLO Publ., 2004. 416 p. (in Russian).

Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka [A history of Russian foreign policy: the first half of the nineteenth century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. 448 p. (in Russian).

Cardini F. *Evropa i Islam. Istoriya neponimaniya* [Europa e Islam. Storia di un malinteso]. Saint Petersburg: Alexandria Publ., 2016. 336 p. (in Russian).

Konkin D.V. "Ekonomika i zhizn'": khozyaystvennaya i torgovaya praktika v Krymu v pervye desyatiletiya posle prisoedineniya k Rossiyskoy imperii ["Economics and Life": industrial and trading practices in the Crimea during the first decades after its reunification with Russia], in *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies]. 2018. Vol. 37. P. 166–186 (in Russian).

Krymskiy mif v russkoy kul'ture pervoy poloviny XIX v. Svod maloizvestnykh svidetel'stv sovremennikov [The Crimea myth in Russian culture in the first half of the nineteenth century: a collection of ill-known contemporaries' accounts]. Veliky Novgorod; Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2017. 768 p. (in Russian).

L'vov N.A. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Koln; Weimar; Vienna: Böhlau Verlag; Saint Petersburg: Puschkinhaus; Institutio rossica christiana; Acropolis Publ., 1994. 417 p. (in Russian).

Neumann I. *Ispol'zovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 335 p. (in Russian).

Pallas P.S. *Nabliudeniya, sdelannye vo vremia puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh* [Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, Bd. 2]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 244 p. (in Russian).

Podosinov A.V., Dzhakson T.N., Konovalova I.G. *Skifiya v istoriko-geograficheskoy traditsii antichnosti i srednikh vekov* [Scythia in historical and geographical tradition of Antiquity and Middle Ages]. Moscow: Akvilon Publ., 2016. 320 p. (in Russian).

S beregov Temzy – na berega Nevy. Shedevry iz sobraniya britanskogo iskusstva v Ermitazhe [From the banks of the Thames to the banks of the Neva: masterpieces of British art residing in the Hermitage Museum]. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ., 1997. 323 p. (in Russian).

Smekalina V.V. *Russkie puteshestvenniki v Shveysarii vo vtoroy polovine XVIII–pervoy polovine XIX v.* [Russian travellers in Switzerland in the second half of the eighteenth and the first half of the nineteenth century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2015. 376 p. (in Russian).

- Wortman R.S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii*. Vol. 1. [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow: OGI Publ., 2002. 606 p. (in Russian).
- Filyushkin A. Kak Rossiya stala dlya Evropy Aziey? [How Russia Became Asia for Europe?], in *Izobretenie imperii: iazyki i praktiki* [Inventing Empire: Languages and Practices]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. Pp. 10–48 (in Russian).
- Khrapunov N.I. Krymskie drevnosti glazami Edward-Daniel Clarke: ot arkheologii k ideologii [Edward Daniel Clarke's Crimean antiquities: archaeology into ideology], in *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, series 2: Humanities]. 2016. Vol. 18. No. 3. Pp. 116–132 (in Russian).
- Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishhe v trudakh puteshestvennikov kontsa XVIII–nachala XIX v.: issledovaniya i illyuzii [The ancient town of Mangup in travelogues from the late eighteenth and early nineteenth century: researches and illusions], in *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history, and ethnology of Tauria]. 2017. Vol. 22. Pp. 412–433 (in Russian).
- Khrapunov N.I. "Vostok v Evrope": Krym posle prisoedineniya k Rossiyskoy imperii glazami inostrantsev ["Orient in Europe": the Crimea after the first joining to Russia as viewed by foreigners], in *Novoe proshloe / The New Past*. 2018. No. 1. Pp. 63–78 (in Russian).
- Khrapunov N.I. Pereosmyslenie Shelkovogo puti posle prisoedineniya Kryma k Rossii [The Silk Road reconsidered after the Crimea joined Russia], in *Islamskiy faktor v integratsionnykh protsessah Velikogo Shelkovogo puti* [Islamic factor in the integration processes on the Silk Road]. Kazan: Islamskaja kniga, 2018a. Pp. 103–113 (in Russian).
- Khrapunov N.I. Krym v kontekste franko-russkikh otnosheniy epokhi Napoleona [The Crimea in the context of French-Russian relations in the age of Napoleon], in *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, series 2: Humanities]. 2019. No. 2. Pp. 69–86 (in Russian).
- Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Matthew Guthrie i ego "puteshestvie" v istoriyu Kryma [Matthew Guthrie and his "travel" into Crimean history], in *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University, series 2: Humanities]. 2015. No. 4. Pp. 157–170 (in Russian).
- Eco U. *Imya rozy* [Il nome della rosa]. Voronezh: Foliant Publ., 1993. 520 p. (in Russian).
- Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey*. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
- Cronin V. *Catherine, Empress of All the Russias*. New York: William Morrow and Company, Inc., 1978. 349 p.
- Eton W. *A Survey of the Turkish Empire*. London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
- Guthrie M. *Dissertations sur les antiquités de Russie*. Saint-Petersbourg: Imprimerie du Corps Impérial des Cadets Nobles, 1795. 237 p.
- Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795–6, Through the Taurida, or Crimea*. London: T. Cadell, Jun., and W. Davies, 1802. 446 p.

Les Français en Russie au siècle des Lumières. Т. I–II. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. 1424 p.

Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus, in *Dumbarton Oaks Papers*. 1971. Vol. 25. Pp. 115–188.

The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.